

DOI 10.35775/PSI.2026.132.3.006**УДК 93/94****И.В. УПОРОВ**

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор, Российская академия естествознания,
Россия, г. Краснодар

ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОТЕСТНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В 1930-Е ГОДЫ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

После октябрьской революции 1917 г. пенитенциарная система советского государства развивалась противоречиво. Первоначально, исходя из Программы РКП(б), планировалось заменять тюрьмы воспитательными учреждениями, однако довольно быстро выяснилось, что эта концепция оказалась утопична. В дальнейшем в СССР стала стремительно укрепляться административно-командная система управления обществом, соответственно ужесточалась карательная политика, а в 1931 г. появился печально известный ГУЛАГ. В местах лишения свободы условия содержания заключенных зачастую не соответствовали установленным требованиям, что вызывало напряженность в ИТЛ. В статье в этом контексте раскрываются причины массовых неповиновений заключенных в местах лишения свободы в 1930-е гг., то есть, в довоенный период. Анализируются соответствующие правовые акты, архивные документы, научные труды по данной теме. Отмечается, что помимо плохих производственно-бытовых условий причинами протестных выступлений заключенных являлись более строгие уголовные наказания (увеличение срока лишения свободы с 10 до 25 лет), стремление максимально использовать заключенных как дешевую рабочую силу и др. При этом основной формой протестных выступлений заключенных были голодовки, прекращение работы («волынка») и др. В целом интенсивность массовых беспорядков в довоенное время была заметно ниже, чем после войны.

Ключевые слова: пенитенциарная система, заключенные, протестные выступления, ИТЛ, кодекс, условия содержания, голодовка.

После октябрьской революции 1917 г. в первые годы советской власти уголовные наказания были относительно мягкими, а в местах лишения свободы приоритетной была воспитательная задача, и условия содержания заключенных предусматривались вполне пристойными для человека, хотя они далеко не всегда выдерживались в практике. Однако в дальнейшем, когда планы большевиков заменить тюрьмы воспитательными учреждениями показали свою утопичность, и ввиду обостренного классового противостояния карательная политика со второй половины 1920-х гг. стала стремительно ужесточаться. В исправительно-трудовой системе появились ИТЛ, и для их управления был

создан ГУЛАГ – Главного управления лагерей. Это важнейший главк был образован в 1931 г. сначала под началом ОГПУ, а с 1934 г. в составе НКВД СССР – тогда в советском государстве уже сформировалась жесткая административно-командная система управления обществом, в том числе в пенитенциарной сфере, где также стал доминировать классовый признак. С того времени вопросы, связанные с установлением вины за ряд преступлений, и прежде всего «контрреволюционные», и условий отбывания наказания в виде лишения свободы стали передаваться одному ведомству (ОГПУ), деятельность которого была практически неподконтрольной обществу, что впоследствии способствовало произволу и беззаконию. По выражению Г.М. Ивановой, это было одной из самых трагических страниц в истории российской пенитенциарной политики [3. С. 188].

Довольно быстро ГУЛАГ превратился в могущественный хозяйственный орган – заключенных направляли в отдаленные районы страны и привлекали, как правило, на тяжелых работах. Об этом имеет обширная литература (в числе авторов (А.А. Цыпкалова, В.А. Бердинских, В.И. Меньковский, А.Б. Суслов, Н.Ю. Белых, В.Н. Земсков, А.И. Солженицын, С.И. Кузьмин, Р.С. Бикметов, А.В. Захарченко, И.Н. Федотова, А.Н. Кустышев, А.А. Никифоров, И.В. Удовенко, В.М. Исаков, Е.В. Мельник и др.).

Во многих ИТЛ при этом условия содержания заключенных значительно контрастировали с нормативными требованиями, что являлось одной из важнейших причин массовых неповиновений со стороны заключенных в местах лишения свободы. Так, если говорить о действовавших в рассматриваемый период законах в пенитенциарной сфере, то следует назвать прежде всего новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. [5], который заменил ИТК РСФСР 1924 г., считающийся самым гуманным уголовно-исполнительным законом в истории нашей страны (он принимался, исходя из вышеотмеченной концепции замены тюрем воспитательными учреждениями, что оказалось совершенно нереальным [12]).

В новом ИТК РСФСР 1933 г. нашли отражение изменения в государственной пенитенциарной политике, и прежде всего был выражен классовый подход, что соответствовало тезису об усилении классовой борьбы в нашей стране. Уже в ст. 1 кодекса указывалось, что «задачей уголовной политики пролетариата на переходный от капитализма к коммунизму период является защита диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся». Соответственно этому исправительно-трудовая политика преследовала цели: а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству; б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепользные цели и организации этого труда на началах постоянного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе исправления и ударничества» [5]. Кодекс предельно

упростила также разновидности мест отбывания наказания в виде лишения свободы, ограничившись исправительно-трудовыми колониями (фабрично-заводскими, сельскохозяйственными, массовых работ и штрафными), а также учреждениями для отбывания лишения свободы несовершеннолетними (школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа).

В одном из советских учебников указывалось, что этот ИТК РСФСР был «проникнут принципом гуманизма, демократизма и социалистической законности» [10. С. 32]. А, по мнению А.С. Смыкалина, высказанное уже в после распада СССР, «скорее всего, ИТК РСФСР 1933 г. служил ширмой для массовых незаконных репрессий, с особой силой разворачивающихся в этот период» [9. С. 104]. Как видно, мнения диаметрально противоположные. Как представляется, вряд ли законодатель специально создавал некую «ширму» для репрессий – другое дело, что, действительно, относительно гуманный сам по себе (как и ИТК РСФСР 1924 г., многие нормы которого перешли в новый кодекс) этот закон так и не стал в практике правовой основой деятельности мест лишения свободы, поскольку эту основу с подачи правящей элиты перехватил НКВД СССР, акты которого оказывались по сути сильнее, чем законы, и прежде всего это касалось ИТЛ (позже, со второй половины 1930-х гг., это стало относиться и к исправительно-трудовым колониям).

В этом контексте в 1930-е гг. одно за другим принимались решения, уже сточающие карательную политику государства, что еще более расширяло предпосылки для массовых неповиновений заключенных. Знаковым событием было решение ЦИК СССР от 2 ноября 1937 г., где, в частности, указывалось: «Действующим уголовным законодательством СССР и союзных республик для борьбы со шпионажем, вредительством, с попытками организации взрывов, крушений, поджогов с человеческими жертвами и других диверсионных актов установлены в качестве мер уголовного наказания - лишение свободы на срок не свыше 10 лет, а для наиболее тяжких видов государственных преступлений – высшая мера наказания (расстрел). В целях дальнейшей борьбы с такого рода преступлениями и предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не только высшую меру наказания (расстрел), но и лишение свободы на более длительные сроки ... не свыше 25 лет» [7], то есть, максимальный срок лишения свободы был повышен с 10 до 25 лет.

Такой поворот событий существенно менял обстановку в ИТЛ, поскольку предполагал увеличение числа заключенных, отбывающих наказания в местах лишения свободы. При этом интересно отметить, что в литературе (1950-х гг.) для оправдания такого шага обосновывалось мнение о том, что и при длительных сроках лишения свободы преследуется цель «воспитания преступника» [16. С. 89], что явно противоречило сложившихся к тому времени общепризнанным пенитенциарным принципам (25-летний максимум лишения свободы продержался до принятия нового УК РСФСР 1960 г., где он был понижен до 15 лет). В ряду такого рода решений можно назвать принятый в 1939 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР [11], которым отменялись зачеты рабочих

дней и условно-досрочное освобождение всех категорий осужденных. В литературе отмечается, что это сделано в связи с необходимостью более интенсивного использования заключенных в решении фискальных задач [6. С. 57]. Более того, такое решение было принято непосредственно «с подачи» Сталина – на одном из заседаний Президиума Верховного Совета СССР при обсуждении вопроса, связанного с досрочным освобождением заключенных, отличившихся на строительстве различных крупных объектов, он рассуждал следующим образом: «Правильно ли вы предложили представить список на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо. Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. Нельзя ли повернуть дело по-другому, чтобы эти люди оставались на работе, – награды давать, ордена может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться ... Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомнуделу придумать другие средства, которые заставили людей остаться на месте» [4. С. 14-14]. Разумеется, никто не смел возразить мнению Сталина.

В принятом в соответствии с этой «просьбой» Указе Президиума Верховного Совета СССР указывалось, что «осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД, должен отбыть установленный срок полностью» [4. С. 15]. Данное решение было продублировано приказом НКВД СССР «Об отмене зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения», где это объяснялось «целями максимального использования лагерной рабочей силы на строительстве и в производстве, обеспечения правильного осуществления исправительно-трудовых мер». Предписывалось «лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве». При этом в приказе осужденные именовались «производственниками», чем подчеркивалось основное направление советской исправительно-трудовой политики [1. С. 33]. В дальнейшем досрочное освобождение в ограниченных масштабах все же применялось – по решению Особого совещания при НКВД, а также в форме отдельных указов и амнистий.

О характере карательной политики, например, в 1941 г. могут свидетельствовать данные по военному трибуналу Краснодарского края. Так, из 1179 осужденных к высшей мере наказания были приговорены 195, получили срок лишения свободы в 10 лет – 586 человек, 8 лет – 96 человек, от 7 до 5 лет – 172 человека и 3 года – 23 человека. Комментируя 76 оправданных, прокурор Краснодарского края указывал на «все же недобросовестное следствие и недостаточный надзор за военным трибуналом». В целом же такую карательную политику он считал «все же правильной» [14. Л. 14, 29]. Как видно, репрессивные «гайки» закручивались все сильнее и сильнее. Метод управления с использованием подобного рода средств стал преобладающим. С ужесточением карательной политики все отчетливее проявлялся классовый подход в составе заключенных. Возрастала

доля лишенных свободы «классово-чуждых элементов». В период индустриализации места лишения свободы стали довольно активно пополняться за счет так называемых «вредителей» народного хозяйства. Общая численность заключенных в ИТЛ с 1930 г. до начала войны неуклонно росла: с 179000 в 1930 г. до 1500524 в 1941 г. (затем пошло снижение до 715505 заключенных в 1945 г.) [2. С. 173-174], из которых основная часть состояла из осужденных за государственные преступления и преступления против порядка управления.

На совершение групповых нарушений режима содержания не могла не влиять и позиция родственников заключенных, переживания которых за судьбу своих близких вкупе с плохими условиями содержания заключенных в ряде случаев накаляло обстановку в местах лишения свободы. В этом смысле весьма характерна информация, направленная Прокурору СССР Вышинскому исполняющим обязанности прокурора Краснодарского края Востоковым, датированная 30 января 1938 г. [15. Л. 2, 3] В ней сообщается, что «возникли дополнительные трудности, а именно: по Краснодарскому краю репрессировано по 1 и 2 категориям свыше 20000 человек ... Поток жалобщиков со стороны родственников заключенных имеет тенденцию к постоянному увеличению и обещает в феврале-марте возрасти до больших размеров ... В тюрьмах края содержится под охраной 16860 человек при лимите 1760, налицо исключительная перегрузка, имело место уже появление инфекционных заболеваний (сыпной и брюшной тиф) ... У Краснодарской и Армавирской тюрем скопление большого количества родственников, пытающихся узнать о судьбе заключенных, передать одежду, продукты или получить свидание с ними, толпа не рассеивается и в ночное время» [15. Л. 2об]. После описания негативных, с точки зрения прокурора, явлений, следовал достаточно неожиданный вывод с политической составляющей: «Такое крайне нежелательное явление у мест заключения, по существу, являющееся своеобразной демонстрацией, вынуждает меня поставить перед Вами вопрос о принятии необходимых мер через Наркомат НКВД ... Прошу обсудить и принять самые срочные меры к разрешению вопросов, связанных с положением в тюрьмах» [15. Л. 2об]. Нам не удалось найти документов, которые проливали бы свет на то, каким образом высшие инстанции отреагировали на эту записку. Вместе с тем последующее развитие системы пенитенциарных учреждений показывает, что определенные меры по улучшению условий содержания в тюрьмах все же принимались.

Следует еще заметить, что причины массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях создавались в определенной степени и вне системы ИТЛ. Речь идет прежде всего о том, что та же коллективизация встретила сильнейшее сопротивление крестьян. Так, только за январь-март 1930 г. ОГПУ было зарегистрировано более 2200 открытых выступлений крестьян, в которых участвовало свыше 800 тыс. человек. В ряде случаев дело доходило до вооруженных восстаний, для подавления которых власти применяли войска. Недовольство было не только в деревне – так, весной 1932 г. в связи со снижением норм карточного снабжения хлебом, имели место антиправительственные выступления

в городах [13. С. 78]. А наиболее активные сопротивленцы пополняли ИТЛ и, разумеется, из их числа было немало участников массовых неповиновений в ИТЛ.

В целом же в рассматриваемый период формы протестных выступлений заключенных менялись в зависимости от лагеря, режима содержания в нем и категории заключенных. В донесениях начальников ИТЛ наряду с констатацией повседневных нарушений, – таких «традиционных» и безыдейных форм сопротивления отдельных личностей или групп, как отказ от работы из-за того, что администрация лагеря не предоставила одежду, обувь или рабочий инструмент, членовредительство и приписки, фиксировались и другие поступки, которые лагерная администрация рассматривала как «чрезвычайные происшествия». К таковым относились дебоши, беспорядки, хулиганство, лагерный бандитизм, голодовка, отказ от приема пищи, самоистощение, забастовка, прекращение работы (волынка), саботаж и диверсии в форме «вредительской деятельности». В редких случаях имела место организованное выступление заключенных. Так, в 1936 г. содержащиеся в Магадане осужденные к разным срокам изоляции троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы (так их именовали) организовали в местах их содержания волынки, открытые антисоветские выступления, составляли и распространяли листовки-прокламации, а когда оперативные работники начали изъятие инициаторов выступлений, многие из них объявили голодовку. При таком масштабе голодовки (231 человек) власти объявили, что частично выполняют требования голодающих (условия труда по КЗоТу, получения центральный изданий, семейное проживание, нормальные бытовые условия), однако этого не произошло, а организаторы голодовки были приговорены «тройками» к расстрелу [3. С. 194].

О другом случае можно судить по воспоминаниям участников протестных выступлений, в частности, «троцкиста» А. Тарова, который описывал массовые неповиновения в Верхне-Уральском изоляторе, где более сотни заключенных объявили голодовку против прибавления новых сроков заключения. Заключенные требовали приезда комиссии, ссылаясь также на жесткие условия содержания, и, поскольку комиссия долго не приезжала, заключенные объявили голодовку и голодали 18 дней, и только тогда прибыла комиссия для разбирательства. Но комиссия не нашла нарушений, и тогда в декабре 1933 г. началась всеобщая голодовка. Прибывший представитель ОГПУ был вынужден устно обещать освободить тех, у кого срок кончается, и сам автор воспоминаний в январе 1934 г. был освобожден по окончании установленного срока [3. С. 205].

Обобщая, следует заметить, что если в 1930-е гг., то есть, до начала Великой Отечественной войны, причины относительно редких массовых неповиновений заключенных в местах лишения свободы носили в основном производственно-бытовой характер (плохие, несоответствующие нормативным требованиям условия проживания в бараках и на объектах трудоустройства заключенных), то после окончания войны все больше стало протестов политического характера, и особенно после смерти Сталина (1953-1955 гг.) [8]. Это обуславливалось прежде всего тем, что в ИТЛ в большом количестве стали поступать

осужденные за пособничество фашистам, дезертирство, бандитизм на освобожденных от оккупации советских территориях, шпионаж, диверсии; эти заключенные в большинстве своем ненавидели советскую власть, и именно они обычно и организовывали протесты заключенных. Но это была последняя волна массовых беспорядков в местах лишения свободы – во второй половине 1950-х гг. с ликвидацией ИТЛ и ГУЛАГа в целом, и взятым курсом на укрепление законности в период хрущевской «оттепели» это явление ушло в прошлое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Астемиров З.А.** История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975.
2. **Земсков В.Н.** Ахипелаг ГУЛАГ: глазами писателя и статистика // Страницы истории. Л., 1990. С. 173-174.
3. **Иванова Г.М.** ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
4. **Ивашов Л., Емелин А.** ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 11-20.
5. ИТК РСФСР 1933 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. М., 1953. С. 366-378.
6. **Кузьмин С.И.** ИТУ: история и современность // Человек: преступление и наказание. 1995. № 3. С. 53-60.
7. Постановление ЦИК СССР от 02.10.1937 г. «О замене высшей меры наказания (расстрела) лишением свободы до 25 лет» // СЗ СССР. 1937. № 66.
8. **Рассказов Л.П., Упоров И.В.** Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России / учебное пособие. Краснодар, 1999.
9. **Смыкалин А.С.** Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.
10. Советское исправительно-трудовое право / Под ред. Н.А. Беляева. Л., 1989.
11. Указ ПВС СССР «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР» от 15. 06. 1939 г. // ГУЛАГ. 1918-1960. Сборник документов / Отв. ред. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Росспэн, 2000. С. 116.
12. **Упоров И.В.** Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36.
13. **Усенко А.Н.** Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
14. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 402. Л. 14, 29.
15. ЦДНИКК. Особые папки. Д. 211. Л. 2-3.
16. **Шаргородский М.Д.** Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958.

I.V. UPOROV

Doctor of History, Candidate of Law, Professor,
Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar, Russia

CAUSES AND FORMS OF PRISON PROTESTS IN PLACES OF PRISONMENT IN THE 1930S: A POLITICAL AND LEGAL ASPECT

After the October Revolution of 1917, the Soviet penitentiary system developed inconsistently. Initially, according to the Program of the RCP(B), it was planned to replace prisons with educational institutions, but it quickly became clear that this concept was utopian. Subsequently, the administrative-command system of governing society in the USSR rapidly strengthened, and punitive policies became correspondingly more stringent, culminating in the establishment of the infamous Gulag in 1931. In prisons, conditions often fell short of established standards, leading to tensions within the labor camps. This article examines the causes of mass prisoner disobedience in the 1930s, that is, in the pre-war period. Relevant legal acts, archival documents, and scholarly works on the topic are analyzed. It is noted that, in addition to poor working and living conditions, prisoner protests were fueled by stricter criminal penalties (increasing prison terms from 10 to 25 years), the desire to exploit prisoners as cheap labor, and other factors. The main forms of prisoner protest were hunger strikes, work stoppages, and other forms of rioting. Overall, the intensity of mass unrest in the pre-war period was significantly lower than after the war.

Key words: penitentiary system, prisoners, protests, labor camps, code, conditions of detention, hunger strike.